

Глава 1

Полковник Парсонс сидел у окна столовой, наслаждаясь последними мгновениями уходящего дня, и просматривал «Стандарт», желая убедиться, что ничего не пропустил. Наконец с легким вздохом он сложил газету, снял очки и убрал в футляр.

— Все прочитал? — спросила его жена.

— Да, думаю, все. Ничего интересного.

Он выглянул в окно на поддерживаемую в идеальном состоянии подъездную дорогу, на аккуратно подстриженные кусты лавра, отделявшие палисадник от общественного пастбища. Со счастливой улыбкой задержал взгляд на триумфальной арке, которая украшала ворота к возвращению сына — его ждали завтра — из Южной Африки. Миссис Парсонс прилежно вязала носок для мужа, пальцы работали ловко и быстро. Он наблюдал, как поблескивают спицы, находившиеся в непрерывном движении.

— Дорогая, ты испортишь зрение, если и дальше будешь вязать при таком свете.

— Мне смотреть не обязательно, — ответила его жена с мягкой любящей улыбкой. Но прекратила работу, похоже, устав, положила носок на стол, разгладила ладонью.

— Было бы хорошо, если бы ты сделала эту пару чуть выше, чем предыдущую.

— И какая высота тебя устроит?

Она подошла к окну, чтобы полковник показал на ноге точную высоту носка, а увидев, тихонько вернулась на стул у камина, опустила руки на колени и умиротворенно ждала, пока служанка принесет лампу.

Миссис Парсонс, высокая женщина пятидесяти пяти лет, всегда держалась несколько застенчиво: превосходя полковника ростом, она стыдилась этого. Ей казалось, что эти лишние дюймы выглядят отчасти оскорбительно. Миссис Парсонс знала, что ее духовный долг — внимать мужу, глядя на него снизу вверх, но физически ей всегда приходилось смотреть на полковника Парсонса свысока. И чтобы никто и никогда даже в малой степени не заподозрил ее в этом грехе, в поведении своем она являла саму покорность, дабы не возникло ни малейших сомнений, что обязанность повиноваться мужу для нее не только прямое указание Библии, но и веление сердца. Добрейшая, отзывчивая миссис Парсонс всей душой любила мужа, восхищаясь и его умом, и его мужеством. Он относился к тем неггибаемым людям, которые всегда шли дорогой,

указанной Господом. Гладкое, безмятежное чело жены полковника, спокойствие взгляда, даже строгость прически — прямой пробор посередине и зачесанные назад волосы — говорили о том, что характер у нее искренний, простой и открытый. Для этой женщины зло не имело никакой притягательной силы, о его существовании она знала лишь теоретически. В жизни она видела только один путь — тот, что вел к Богу. Других для нее не существовало. Долг представлялся ей одной рукой с единственным пальцем, и палец этот всегда указывал одно направление. Однако жесткий рот и твердый подбородок миссис Парсонс создавали и иное впечатление. Когда она сидела недвижно, сложив руки и глядя на мужа любящими глазами, со стороны могло показаться, что эта женщина не такая уж смиренная и не склонна прощать недостатки ни себе, ни другим. При всей ее кротости она точно знала, что абсолютно правильно, а что — абсолютный грех, и последнее не простила бы никому, даже тем, кого любила больше всего на свете.

— А вон посыльный с почты! — вдруг нарушил тишину полковник Парсонс. — Джейми еще не мог приехать!

— Ох, Ричмонд!

Миссис Парсонс вскочила со стула, на ее бледных щеках заиграл румянец. Сердце учащенно забилося, глаза наполнились слезами нетерпеливого ожидания.

— Наверное, телеграмма от Уильяма, с сообщением, что корабль вошел в порт, — предположил полковник, чтобы успокоить ее. Но и его голос дрожал от беспокойства.

— Ничего не могло случиться, Ричмонд, правда? — От этой мысли щеки миссис Парсонс сразу побледнели.

— Нет, нет! Разумеется, нет! Какая ты глупая! — Слуга принес телеграмму. — Я ничего не вижу при таком свете.

— Дай ее мне. Я все хорошо вижу.

Миссис Парсонс прошла с телеграммой к окну, вскрыла ее.

— «Приезжаю этим вечером; 7.25. Джейми».

Миссис Парсонс посмотрела на мужа, потом, не в силах сдержаться, опустилась на стул, закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Перестань, Фрэнсис, перестань! — Полковник пытался улыбнуться, но у него от волнения перехватило дыхание. — Не плачь! Ты должна смеяться, узнав, что мальчик едет домой!

Он похлопал жену по плечу, и она, взяв его руку, ухватилась за нее, как за надежную опору. Другой рукой полковник поднес к носу платок и шумно высморкался. Наконец миссис Парсонс вытерла слезы.

— Ох, слава богу, что все закончилось! Он едет домой! Надеюсь, нам больше не придется так тревожиться. Меня трясет от воспоминаний о том, как мы всякий раз ждали газету и боялись читать

ее. Как просматривали список убитых, страшась, что увидим в нем имя нашего мальчика.

— Ладно, ладно, теперь все в прошлом! — весело воскликнул полковник, вновь высморкавшись. — Как обрадуется Мэри!

И действительно, он прежде всего подумал о том, что более раннее, чем намечалось, прибытие сына очень порадует Мэри Клибборн, с которой Джейми обручился пять лет назад.

— Да, — кивнула миссис Парсонс, — но она ужасно огорчится из-за того, что ее здесь не будет. Мэри поехала к Полсонам в Танбридж-Уэллс и вернется только к ужину.

— Какая жалость! Боюсь, уже поздно отправляться на станцию и встречать его. На часах почти семь.

— Да, и вечером сегодня сыро. Пожалуй, тебе не стоит выходить из дома.

Тут миссис Парсонс вспомнила про домашние дела.

— Надо же подумать об ужине, Ричмонд. У нас есть холодная баранина, а готовить курицу, предназначенную для завтрашнего обеда, уже поздно.

Они пригласили трех или четырех друзей на обед, чтобы отпраздновать возвращение сына, и миссис Парсонс уже запаслась всем необходимым.

— Что ж, мы можем поджарить отбивные. Надеюсь, Хоуи еще не закрыл свою лавку.

— Я пошлю Бетти. А на сладкое мы можем подать бланманже.

Миссис Парсонс ушла, чтобы отдать необходимые распоряжения, а полковник направился в комнату сына, желая убедиться, наверное, в сотый раз, что все в порядке. Они не один день обсуждали, нужно ли отдать молодому солдату лучшую комнату для гостей или поместить сына в ту, где прошли его детство и отрочество. Остановились на второй и не пожалели сил и времени, чтобы ему там понравилось; ни одна подробность не ускользнула из их памяти, они все ставили и переставляли, стараясь добиться нужного эффекта: войдя в комнату, он должен был увидеть, что за время его отсутствия ничего не изменилось. Так они пытались утолить самое жгучее сердечное желание: чувствовали себя более счастливыми, зная, что стараются ради сына. Когда любишь, самая тяжелая ноша — невозможность что-либо сделать для дорогого тебе человека, а когда появляется шанс сослужить ему службу, это всегда легко и приятно. Они не видели его пять лет, своего единственного ребенка. Из Сандхерста¹ он напрямик отправился в Индию, а оттуда, как только началась война, в Южную Африку. Никто не знал, что пережили одинокие родители за долгую разлуку, с каким нетерпением ожидали его писем, как часто их перечитывали.

¹ Сандхерст — Королевская военная академия. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Но не только родительская любовь вызывала у них столь горячий интерес к карьере Джейми. Они надеялись, что он восстановит честь имени, утерянную его отцом. Четыре поколения Парсонсов служили в армии, принеся славу семье и пользуясь заслуженным уважением. Полковник Парсонс унаследовал выдающийся послужной список, его предки проявили себя храбрыми людьми и хорошими солдатами, а он — самый верный, самый храбрый, самый достойный из них всех — замарал это имя грязью, ему пришлось уйти из армии под градом оскорблений, обесчещенным, опозоренным, потерявшим все.

Долгое время полковник Парсонс уверенно продвигался по службе. Он всегда ставил Бога выше военного ведомства, но результат получался вполне пристойный. Своих подчиненных он окружал отеческой заботой, и любое подразделение, которым командовал, тянуло на образцовое как по выучке, так и по внешнему виду. Все офицеры находили в нем верного друга, редко кто из командиров пользовался такой любовью. Сдержанный, с ровным характером, он ни при каких обстоятельствах не забывал любить ближнего, как самого себя, всегда помнил, что и у туземца самой низшей касты есть бессмертная душа, а перед Богом они равны. Полковник Парсонс относился к людям с такой мирной, добродушной и естественной набожностью, что устоять перед ней не мог никто. О сквернословии

и богохульстве в его присутствии даже не помышляли, и самые закоренелые негодяи смягчались при общении с ним.

Но за пару лет до его выхода в отставку по возрасту проводилась небольшая операция против каких-то горных племен, и возглавил ее Парсонс. Он захватил врага врасплох, обнаружил в предгорьях, отрезал, выставив заслоны на двух возможных путях отхода. Расположив орудия на холмах справа, Парсонс мог сделать с горцами что хотел. Мог вырезать до последнего, но у него такой мысли и не возникло. Он предложил им сдаться, и вечером вожди пришли к нему и обещали сдать оружие следующим днем: ночь выдалась холодной, темной, дождливой. Полковник радовался и своей стратегии, и своему гуманизму. Он не пролил ни единой капли крови.

— Относись к ним хорошо, — изрек он, — и они отнесутся к тебе еще лучше.

Он повел себя как джентльмен и христианин, но враг не был ни тем, ни другим. Полковнику и в голову не пришло, что горцы переиграли его, использовав предоставленную им отсрочку, чтобы послать гонцов с настоятельной просьбой о помощи. И всю ночь со всех сторон к позициям англичан стекались вооруженные люди, и ранним утром, еще до рассвета, заслоны подверглись атаке. Полковник Парсонс, изумленный донельзя, отправил им подмогу и, думая, что его отряд численно превосходит мятежников, ударил по

их главным силам. Горцы только этого и ждали. Медленно отступая, они заманили его в ущелья, где он обнаружил, что попал в ловушку. Отряд Парсонса окружили. Пять часов прошли как в кошмаре. Людей полковника убивали враги, сами оставаясь невидимыми. В конце концов, после отчаянной схватки, остаткам отряда удалось вырваться, потеряв пятьдесят человек убитыми и более сотни ранеными.

Полковник Парсонс ушел с оставшимися людьми, но воевать дальше эти охваченные паникой солдаты уже не могли. Он был вынужден отступить. Личным мужеством полковник удержал солдат от беспорядочного бегства. Он собрал их вместе, подбадривал, не раз и не два рискуя жизнью. Но факт оставался фактом — Парсонс потерпел жестокое поражение. Провал операции, в силу ее незначительности, удалось замаять, но последствия дали о себе знать. Горные племена, вдохновленные успехом, повели себя более решительно и дерзко. Мятеж, который могли подавить без проблем, теперь потребовал привлечения весьма значительных сил, и потери возросли десятикратно.

Полковнику Парсонсу предложили подать заявление об отставке, и он покинул Индию сломленным человеком. Вернулся в Англию, поселился в старом отцовском доме в Литл-Примптоне. Агония продолжалась, и, заглядывая в будущее, он видел только чудовищное отчаяние, безутеш-

ное раскаяние. Долгие месяцы Парсонс ни с кем не хотел общаться, полагая, что его считают человеком, за глупость которого пришлось заплатить многими жизнями. Когда он слышал смех, ему казалось, что смеются над ним, когда замечал в глазах людей сострадание, едва сдерживал слезы. Случившееся действительно сломило его. Он кружил по саду, подальше от людских глаз, вновь и вновь прокручивая в голове события той ужасной недели. И полковника не утешала мысль о том, что любой другой путь мог привести к столь же трагическому результату. Его ошибка бросалась в глаза. Он точно знал, в чем она состоит, и спрашивал себя: «Господи! Ну почему я так поступил?» Вот Парсонс и шагал без устали, не замечая ни холода, ни жары, а по щекам его текли жгучие слезы. И слова жены не утешали его.

— Ты хотел как лучше, Ричмонд, — говорила она ему.

— Да, дорогая, я хотел как лучше. Окружив их, я перебил бы всех. Но я не мясник. Мог хладнокровно перестрелять одного за другим. Но это была бы не война, а убийство. Что я теперь скажу моему Создателю, когда Он предъявит мне счет за все эти души? Я пощадил их. Думал, они поняли, но они сочли мой поступок слабостью. Я не сообразил, что они готовят мне ловушку. А теперь мое имя обесчещено, и я никогда не смогу ходить с поднятой головой.

— В глазах Бога ты действовал правильно, Ричмонд.

— Я думаю и верю, что действовал как христианин, Фрэнсис.

— Если ты порадовал Бога, тебе незачем обращать внимание на мнение человека.

— Ох, дело не в том, что они называли меня дураком и трусом... это я стерпел бы. Я поступил, как считал правильным. Думал, мой долг — беречь жизни моих людей и щадить врагов. В результате погибло в десять раз больше людей. И они не погибли бы, действуя решительно и безжалостно. Теперь в Англии много вдов и сирот, и они проклинают меня, потому что по моей вине их мужья и отцы зарыты в горах Индии. Если бы я действовал как дикарь, как жестокий зверь, как мясник, все эти люди сегодня ходили бы по земле. Я проявил милосердие, а мне ответили предательством. Хотел избежать лишних страданий, а они решили, что я слабак. Я простил их, а они посмеялись надо мной.

Миссис Парсонс положила руку на плечо мужа.

— Постарайся забыть это, Ричмонд. Все закончилось, и ничего нельзя изменить. Ты действовал как богобоязненный человек. Твоя совесть чиста. Что такое суд человека в сравнении с судом Божьим? Если люди оскорбляли и унижали тебя, Бог воздаст тебе сторицей, ибо ты показал себя Его верным слугой. Я верю в тебя, Ричмонд, и горжусь тем, что ты сделал.

— Я всегда старался быть джентльменом и христианином, Фрэнсис.

Ночами ему снились те дни замешательства и смертельной тревоги. Полковник представлял себе, что вновь отступает, подбадривает своих людей, делает все, чтобы предотвратить беду, но осознавал, что его ждет только позор, что самый невежественный сипай из тех, кем он командовал, считал его некомпетентным и безумным. Парсонс видел это и в глазах своих офицеров, видел презрение и злость, потому что из-за него им пришлось отступить под напором врага, из-за него честь и слава ускользнули от них, а сами они стали посмешищем. Руки и ноги полковника дрожали, а тело прошибал пот, когда он вспоминал разговор со своим командиром: «Ты годишься только в чертовы миссионеры». И его последние слова: «Ты мне больше не нужен. Подавай прошение об отставке».

Но человеческая печаль — вода в глиняном горшке. Мало-помалу полковник Парсонс забыл о своем несчастье; он так часто прокручивал случившееся в голове, что в конце концов пришел в замешательство. Глубокая рана отчасти зажила, зарубцевалась. Парсонс начал проявлять интерес к окружающей жизни. Теперь, читая газету, не проецировал на себя каждое хлесткое словцо. Но ничто так не оупляет человека, как ежедневное и внимательное чтение газет. Гуляя в саду, полковник частенько болтал с садовником, слегка